

Великая миссия

НА ВСЕХ волнах, по всем диалогам в эти дни ведут радиостанции мира соревнования — кто быстрее сообщит последние новости из Берлина. И даже человек, не знающий других языков, без труда поймет, о чем идет речь. Ибо он слышит, как повторяются, одно за другим, три слова: Берлин — Хрущев — мир.

О разных делах говорят делегаты на съезде в Берлине. Но все они — председатель сельхозкооператива Ирма Ваттенбах и член Политбюро СЕПГ Вилли Штоф, представитель миролюбивых граждан Западного Берлина Герхард Граделюс и первый секретарь ЦК Польской Объединенной рабочей партии Владислав Гомула — подчеркивают одну из важнейших задач коммунистов. Речь идет о мире. О мире как о программе, стратегии, тактике и повседневной борьбе коммунистов.

Мы лучше других знаем подлинное лицо войны. Не один год отдал мы защите нашей социалистической Отчизны от нападения империалистических держав и восстановлению тлживых разрушений, причиненных войнами.

Мы умели сражаться голыми руками, босыми, одна винтовка на двух красногвардейцев — и побеждали врага.

Во второй мировой войне мы спасли человечество от угрозы фашистского порабощения, совершив беспрецедентный всенародный подвиг. Мы многому научились и можем преподавать кое-кому уроки исторического мужества и героизма. Мы враги войны, испытанные, давние, убежденные.

Сорок пять лет назад мы начали строить свое социалистическое государство, и первый же день его жизни был освоен ленинским Декретом о мире.

Мир народам! — сказала партия большевиков, и она стала партией всего народа, ибо этот призыв отвечал самым глубоким народным чаяниям.

Великий Ленин на все времена определил высшую задачу партии коммунистов:

«Наша цель — достижение социалистического общественного устройства, которое, устранив деление человечества на классы, устранив всякую эксплуатацию человека человеком и одной нации другими народами, неминуемо устранив всякую возможность войны вообще».

Эта общечеловеческая цель коммунизма — устранить войну как способ разрешения противоречий между государствами различных социальных систем — привлекала к себе трудящихся всех стран. Она породила мощное движение сторонников мира. В нем участвуют люди различных политических убеждений, но объединенные общечеловеческой целью борьбы за мир.

«Особенностью нашей эпохи, — сказал Никита Сергеевич Хрущев, выступая в берлинском Дворце спорта, где проходил заседание съезда, — является то, что борьба за мир, как никогда прежде, стала важнейшей исторической задачей не только рабочего класса, но и всех других слоев населения».

И в самом деле, люди идут в ряды сторонников мира лишь потому (да простится мне эта тавтология), что они хотят прочного мира. А дальше уже они начинают приспосабливаться, сопоставлять, сравнивать. Что же они видят? Рядом с ними, а вернее, даже впереди их идут в походе мира коммунисты. Вместе с ними, а вернее, даже раньше их полиция заковывает в кандалы коммунистов. И если вы даже не участвуете в демонстрации, не подписываете петиций против атомной бомбы и не стоите в пикете у американских военных баз, а только читаете, слушаете и размышляете — вы видите, что лозунги коммунистов о мире и разоружении понятнее и привлекательнее, чем путаные рассуждения о «равновесии страха» и «массированном атомном возмездии».

И так из разных, текущих подчас в противоположных направлениях ручейков складывается единый поток сторонников мира. Нет коммунисты не вырвали для него специального «коммунистического» канала. Он течет по естественному руслу истории. И не вина коммунистов, что это русло ведет в том направлении, которое указывают коммунисты. «... Дело объясняется тем, — указывает Н. С. Хрущев, — что объективные интересы социалистических стран, интересы мирового движения рабочего класса, национально-освободительного движения неотделимы от борьбы за предотвращение термоядерной войны».

Но у этой картины (пусть неполной, но реальной) есть и другая сторона. Если можно бороться за мир, не имея, скажем, в виду борьбы за социализм, то нельзя бороться за социализм, не считая главным на пути к этой великой цели борьбу за сохранение и укрепление мира. Новое общество может победить лишь в результате неустанный и кропотливый труд. Самые величайшие творения создавались резцом, а не взрывом динамита.

Нет, мы не Архимеды, чертящие круги на песке. За нами — необоримая мощь — и экономическая, и техническая, и военная — лагеря социализма. Мы не позволим тупым содладром разрушить величие наших идей и замыслов.

Мы — советские люди, люди коммунистического мира — верны своему долгу перед всем человечеством: уничтожить войны на земле.

Мир — великая интернациональная миссия коммунизма.

И во имя этого советский народ не жалел усилий. Мощный цит мир работает на благо советского народа. Да нелегко нести его тяжесть, нелегко было его выковать. Советским людям приходилось при этом нередко даже отказываться себе в необходимом. Но советские люди сознательно шли на это, понимая, что это нужно для народов всего мира, для нынешних и будущих поколений, для победы коммунизма.

Коммунизм — это мир. Коммунизм — это борец за мир. Имперализм — война. Человечество не имеет иного выбора, как между войной и миром. Оно решает само сегодня свою судьбу.

(Окончание на 4-й стр.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 34-й № 9 (4596)

Суббота, 19 января 1963 г.

Цена 4 коп.

У КИНЕМАТОГРАФИСТОВ

Кинорежиссеры, сценаристы, операторы, антеры, работники киностудий республик собрались в Киеве на Первом съезде Союза работников кинематографии Украины. На форум украинских кинематографистов прибыли гости из Москвы, Ленинграда и братских республик.

Секретарь ЦК КП Украины А. Скаба огласил приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии Украины съезду. С докладом «Коммунистическое строительство и задачи украинской кинематографии» выступил председатель оргбюро Союза режиссеров Т. Лавчун.

В приходе по докладу выступили директор Студии имени Доменико В. Цирюков, писатель В. Собко, кинорежиссер Л. Луноу, В. Денисенко, искусствовед В. Кудин, инженер В. Рабатовой, кинорежиссер С. Сергеевичева, заместитель министра культуры УССР С. Иванова, главный редактор «Киевского рабочего» П. Погосова, писатель А. Михалко, заместитель министра культуры Союза ССР В. Васюков, председатель оргкомитета Союза кинематографистов И. Пырива и другие.

На съезде выступил с речью секретарь ЦК КП Украины С. Сибя.

В центре внимания съезда стояли вопросы дальнейшего развития кино, повышения идейно-художественного уровня фильмов, выпускаемых студиями республики. Делегаты отметили заметное оживление в работе украинских студий, рост количества выпускаемых картин, улучшение в работе украинских кинематографистов. Особенно суровой критике подверглась Студия имени А. П. Доменико, которая в течение года выпустила тринадцать фильмов. Слабы в художественном отношении и отдельные работы Одесской и Ялтинской киностудий.

Участники съезда избрали правление Союза работников кинематографии Украины, ревизионную комиссию союза и делегатов на Первый съезд кинорежиссеров работников кинематографии. Организационный пленум правления избрал председателем и секретарем союз А. Свиридуку и избраны Т. Лавчун, А. Левада, В. Денисенко, В. Кудин, А. Панкратьев, ИКЕВ. (Наш корр.)

Состоялся Первый учредительный съезд Союза кинематографистов Грузии.

С докладом на съезде выступил председатель оргбюро Союза кинематографистов Грузии режиссер С. Долбадзе.

В приходе приняли участие кинорежиссеры И. Гогодзе, режиссер-оператор Г. Асатиани, директор студии «Грузия-фильм» И. Кавсалава, лауреат Ленинской премии сценарист В. Еков, секретарь Союза писателей Грузии Б. Жигити, заместитель председателя оргкомитета Союза работников кинематографии Грузии А. Згурели, режиссер М. Чинаурели, главный редактор Центральной студии документальных фильмов В. Оселиани и другие.

Ораторы отметили неустанный труд партии и правительства о развитии советского киноискусства, говорили о том, что в Грузии создана хорошая база развития кинематографии. Большое место в выступлениях делегатов занимали вопросы профессионального роста деятелей кино, роста молодых кинематографистов.

Первым секретарем правления Союза работников кинематографии Грузии избран Т. Лавчун, секретарем А. Д. Стурца.

В работе съезда принял участие секретарь ЦК КП Грузии Д. Стурца.

ТБИЛИСИ. (Наш корр.)

ЖИЗНЕТВОРЦЫ

МЫСЛЯМИ о человечности пронизаны все наиболее значительные произведения советской литературы. В самом деле, вспомним...

Но тут испытываешь немалое затруднение: список был бы длинен. Да и гуманистические идеи в каждой книге выражены по-своему.

Несомненно главное: невозможно вести речь о современном гуманизме без учета живого и многообразного опыта советской литературы. И, конечно, весьма важен ее опыт последних лет, когда в процессе расчистки жизни от последствий культа личности стрелка коммаса во многих произведениях обращена именно к проблемам социалистического гуманизма.

Думать и спорить о гуманизме люди начали не сегодня. Гуманизм — привычное звание, и, понятно, к нему тянутся руки представителей самых различных идеальных направлений. Тем острее встает вопрос о том, кто понастоящему достоин держать это звание и нести его вперед.

Совершенно закономерно, что значительное внимание проблемам социалистического гуманизма было уделено в недавних беседах руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Со всей актуальностью прозвучали слова о несовместимости боевого социалистического гуманизма с фальшивой проповедью классового мира и всепрощения. «В нашу эпоху, — отметил в своей речи секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев, — подлинное общечеловеческое и есть коммунистическое, так как именно в коммунистическом обществе происходит наиболее полное развитие личности, всех лучших человеческих свойств и качеств».

Советская литература, принципы социалистического реализма не только не отрицают общечеловеческих моральных ценностей, но защищают и наиболее полно, наиболее активно выражают их. И это прежде всего связано с активностью партийно-коммунистических позиций социалистического реализма. В основе его — борьба за формирование людей нового типа и складывание по-гуманному говоря, за человека нового человечества.

В буржуазной эстетике предпринимались попытки установить некие объективные признаки «современного человека», объявить его по технико-рациональным, то самоизолированным, находящимся во вражде со всем обществом, то пре-

дельно расщепленным, причудливо сложившимся в себе добро и зло. Но по-настоящему, что при этом игнорируются социально-политические основы нравственных критериев.

Только социалистический гуманизм охватывает понимание «общечеловеческого» от однолинейности, узости, апатичности, потому что во главу угла ставит связь человека с обществом, временем, историей, борьбу за переустройство и совершенствование общественных условий. Социалистический гуманизм безусловно включает в себя доброту, отзывчивость, чуткость, уважение к человеческой личности. Но он рассматривает их не изолированно от общих проблем жизни и революционной борьбы. Абстрактный гуманизм лишь закрепляет пассивность, уводит человека от борьбы. Такой гуманизм обманчив и, в сущности, принимает человека.

Гуманизм же, пронизанный страстным желанием принести добро человеку и человечеству, настойчиво и решительно выдвигает на первый план социально-политическую активность, гражданственность, жизнестроительство как главные черты личности. Главное направление революционного гуманизма позволяет с наибольшей полнотой осуществлять развитие личности, провозглашенный в Программе КПСС, — все во имя человека, для блага человека!

Действенный гуманизм советской литературы ярко проявляется в ее любви, остром внимании к характерам жизнестроителей, людей мыслящих и действующих, глубоко чувствующих, самоотверженных. В этой связи вспоминаются многие книги только что минувшего 1962 года. Вот, например, роман В. Подорова «На диком бреге...» Я не собираюсь здесь анализировать роман (он требует обстоятельного разбора), но хочется лишь привлечь внимание к образу начинающего строителя крупнейшей гидроэлектростанции Федора Григорьевича Литвинова. Крепкий человек, деловой организатор! Не из тех, что держат людей, штурмовщины и показухой создают видимость успехов. И особенно жизнестроителя, чувствующего истинный демократизм. Он скандалит и в манере поведения, и в отношениях с людьми, и в самой деятельности Литвинова для народа, во имя народа.

Иные характеры и проблемы в романе Д. Гранина «Иду на грозу». Наука, ученые, поиск истины, пусть даже с риском и ошибками, но именно поиск, неиссякаемое человеческое беспокойство, желание, чтобы наука, люди, жизнь стали совершенней. Я думаю, нам надолго запомнится герой романа Д. Гранина талантливый ученый Сергей Крылов.

Развивая темы предыдущих своих повестей, В. Кожевников в повести «День летящий» осветил еще один интересный современный характер — характер Цыплакова. Тоже строителя. А прежде всего — жизнестроителя.

Когда говорится о пристальном внимании советской литературы к образам жизнестроителей, то это не имеет ничего общего со стремлением схематизировать эти образы и сводить их к одному типу. Черты жизнестроителей проявляются по-разному, в определенных ситуациях и обстоятельствах. И дело не в том, что перед нами «панорама» или «плядь земли» (о чем еще недавно велась споры), а в том, насколько верно переданы в книге своеобразные, отличительные черты нашего современника, советского человека.

Внимание к жизнестроительным чертам наших современников — органическое свойство советской литературы. Оно выразилось и в такой книге, как повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Конечно, Ивану Денисовичу не дано развернуться, он вырван из трудовой жизни. Но даже лагеря не может вытравить в его душе честные устремления советского человека.

Гражданский пафос советской литературы — это принципиально важная и отличительная ее черта. Именно это по-

зволяет нашей литературе ставить большие проблемы, вскрывать острые конфликты времени, обогащать творческий метод социалистического реализма. И досадны бывают потери, когда встречаешь людей, лишенных внутренней страсти познать время, познать окружающий мир и улучшить его. Скопность и «вневременная» трантоное моральных вопросов чувствовалась, например, в некоторых рассказах Ю. Казакова. Как видно, писателя сейчас уже самого не удовлетворяет эта изолированность своих персонажей. Гуманистические мотивы в его очерках «Северный дневник», «На Мурманской банке», рассказе «Набасы», рассказе-раздумье об ответственности друг за друга «Двое в декабре» стали действенной и содержательной. И это лишний раз говорит о том, как плодотворно для писателя более заинтересованное, глубокое, смелое обращение к актуальным общественным и нравственным проблемам.

Много живого, оригинального принесли в литературу молодые писатели. Памяты интересные встречи с их героями. Но радуясь успехам молодых литераторов, мы не должны уходить от прямого разговора об их недостатках, убавлять их панегриками. Меньше всего это нужно им самим.

В первых номерах «Литературной России» появилось немало интересных, радующих читателей материалов. Однако вызывает серьезные замечания рассказ В. Логинова «Одно украинское место». Мне памятно, как лет семь назад В. Логинов удачно выступил с повестью «Начало пути». Он автор и других интересных произведений. Но этот рассказ? Казалось бы, по духу своему он должен быть чистое человеческих отношений. «Буду бить пошлость кулаком и стихами», — декларирует герой его. На деле же эту его способность мало верится — он больше видел как человек, примыкающий к пошлости, чем как борец с нею. Хочется думать, что в борьбе за высокий нравственный идеал талантливого писателя еще глубже будут вглядываться в реальные черты современников.

«Вернусь к мысли о том, что люди жизнестроительского миропонимания не одиночки».

Жизнестроители... Они разнообразны и многочисленны: эти герои, ваятели, дум времени. Но родит их то, что они сегодня полны и полнокровны других воплощают в себе лучшие человеческие качества. И это не значит, что должны оставаться в забвении другие характеры, отрицательные или незрелые, пассивные или открыто враждебные нашему миру. Литература все должна держать в поле своего зрения, все разнообразие освещать светом великого социального гуманистического идеала. А при этом она прежде всего должна ощущать стремление исторического потока.

Жизнестроители — не одиночки, не избранный. Это живые люди в пути, в борьбе за укрепление советского общества. Образами жизнестроителей советская литература гордится и будет гордиться. Нашей литературе и ныне так же дорого то, о чем говорил М. Горький:

«Люблю следить, как растет человек».

Возвращаясь к Ставке

«И ВОТ БОЙ ВЫИГРАН...»

ТСС! Товарищи, соблюдайте тишину! Давайте осторожно войдем и сядем в уголке, в стороне от длинного стола комиссии. Будем слушать молча.

Потому что наука не выносит шума. Доктор технических наук П. И. Боженов наверняка скажет, что сегодня мне, литератору, выступать «неприлично».

Ах, доктор, черт с вами, с причлимым Делом важно. И срочное. Помните, доктор, в Таллине, председательствуя на заключительном заседании комиссии, вы открыли его такими словами:

«Госстрой СССР поручил нам обследовать таллинские предприятия по производству силикатита. Кроме нашей группы специалистов выехали в Узбекистан, в Карелию, в Ленинград... Занялся силикатитом Госстрой СССР побудило то, что вокруг этого дела в последнее время поднят, мягко говоря, шум в органах печати. В том числе в органах, столь далеко стоящих от этих дел, как «Литературная газета».

Простите, уважаемый Петр Иванович, не могу с вами согласиться. Уже сейчас, то дни, когда восстанавливаются славные ленинские традиции народного контроля, можно бы и не отодвигать советских писателей так «далеко» от ваших ученых дел».

И поскольку в «Литературной газете» шум поднял именно я, разрешил высказаться! Пускай мое выступление будет «особым мнением» — в папках этой комиссии их и так предостаточно, так что одним больше, одним меньше...

В статье «И вот бой выигран...» я уже рассказывал о силикатите — чудесном строительном материале, получаемом особой обработкой смеси песка и известки. Рассказывал о двенадцатилетней борьбе изобретателя Иоханнеса Хинта за внедрение этого материала в строительство, называл организации, долготормозившие живое дело: Госстрой СССР и Академию строительства и архитектуры.

И вот — лед пропал. Госстрой приказом № 403 дал команду академикам произвести обследование и представить доклад о «показателях работы действующих предприятий по производству силикатита и предложения о мерах по дальнейшему развитию этого производства».

Как трудно создать беспристрастную комиссию! Как часто принципов людей приводит нас в замкнутый круг наивысших авторитетов в данной области!

Вглянув на приказ № 403, Иоханнес Хинт глубоко вздохнул: он увидел фамилии представителей официальной школы, доставившей ему столько горя. Да, он неизбежно встретил комиссию, прибывшую в Таллин.

Ну, а комиссия?

«Во исполнение приказа» группа специалистов под председательством П. И. Боженова прибыла в Таллин и начала... нето вроде суда над силикатитом и его создателями.

Мягко. Тактично.

ДВЕСТИ ТЫСЯЧ «ОСОБЫХ МНЕНИЙ»

Вал. РУШКИС

С соблюдением приличий и видимости объективности... Для начала разбирается авторское свидетельство Иоханнеса Хинта и тут же делается вывод: Хинтом изобретен не материал, а лишь способ его получения. Свидетельство выдано в 1956 году. И вообще в Эстонии следует заниматься не известью, а в первую очередь сландевой золой.

И создается впечатление, что не так много сделали силикатитчики, да и не так давно. В 1956 год — откуда же тут двенадцатилетняя борьба? И вообще они в своем институте занимаются чем-то не первоочередным...

Хинт возражает. Он ссылается на свою диссертацию, на работы 1950 года. Он весь кипит от возмущения. И председательствующий останавливает его:

«Я лишая вас слова. Вы ведете себя неприлично».

Обсуждение продолжается. Очень разные люди сидят за длинным столом. Члены комиссии. Люди, которых Госстрой СССР облек доверием. Эти специалисты должны сказать народу и его представителям — Комитету по делам строительства — простую вещь: как идет производство силикатита и что нужно сделать, чтобы его расширить.

Вместо этого председательствующий продолжает допрос:

«Нет ли у вас в институте культура личности Хинта? Не заката ли здесь критика? Не слишком ли вы увлекаетесь рекламной деятельностью? Вон в печати появлялись нападки на нашу академию и даже на Госстрой; вас это не беспокоит, товарищ Хинт?»

Хинта и его соратников беспокоит другое: неточные цифры, включенные комиссией в акт, тенденциозно влияющие недостатки. Огорчает, что каждая похвала в адрес нового материала вносится в акт с бою. Огорчат, что представитель института Карл Эскусон только в последний, двенадцатый день работы комиссии был извещен, что является ее членом.

Даже прина к выводу о необходимости строить новые крупные заводы силикатита, комиссия прерывает эту фразу в конце длинного абзаца... о недоцехах в научной работе.

Взлизается полночь. В длинном документе появляется последний пункт выводов: «В печати слишком увеличены заслуги тов. Хинта И. А... Благодаря этому создается впечатление, что тов. Хинт является единственным автором и творцом автоклавных материалов, что принимает роль большого числа советских ученых и инженеров... Принимает! Первый под этим заключением скромно ставит свои подписи двое так признанных: П. И. Боженов и В. Н. Гусанов. Затем еще шесть подписей. Последняя — представителя института: «особое мнение прилагается».

Простите за усмешку, товарищи ученые! Нет, никто не собирается принимать ваши заслуги: внедрение бесценных материалов. Вышним признанием отмечен ваш труд: в 1962 году рядом с силикатитчиками И. А. Хинтом

и В. М. Рютегелем, даже до их фамилий, в решении Комитета по Ленинским премиям названы ученые вашей школы — А. В. Волженский, П. И. Боженов, В. Н. Гусанов, производственники А. П. Адамкин, А. И. Мочалов и другие. Не мне оспаривать ваши научные достижения.

Но не кажется ли вам, что огонь печати (прямо-таки залп почти из всех центральных газет) вызвали на себя вы сами? Ведь ваша школа — общепризнанная, официальная. Вы располагаете крупными институтами, кафедрами, лабораториями, большими производственными комбинатами. И это представители вашей школы долгие годы выступали против силикатита. И они же занимались печально-известными вибрационными складами металлолома.

Две разные школы. Различные теоретические воззрения. О ТКУДА же берутся консерваторы? Нет, люди не появлялись на свет с таким задатком. Сначала и такой деятель безогорочно прогрессивен. Но вот он уже в почете, авторитетен и знатен. Заслуги его не выдуманы. Кому же, как не ему, дать отзыв о чем-то новом?

Это новое неприлично. Будь оно до конца ясно, отработано, проверено — другое дело. Но оно еще ничем не зарекомендовало себя. Вот в 1950 году эстонский инженер Хинт предлагает свой десигнатор. Аппарат какой-то несолидный, вида не имеет... Лучше пока отклонить.

Упрямый инженер не сдаётся, он совершенствует свою конструкцию. Через пять лет ее уже труднее отклонить, хотя она все еще несовершенна. Но теперь, чтобы признать ее, нужно пересмотреть свою прежнюю точку зрения. А как с авторитетом? Если сказать, что вчера ты ошибался, поверят ли тебе завтра? Нет, спокойнее отклонить и сегодня.

Слегка pokrивив душой. Это уже падение. Через десять лет конструкция отработана, проверена, налажена. Состав преступления, как говорится, ясен: «тормозил внедрение». Отвечать есть за что. Лучше уж замуровать и остаться на прежних позициях. Сказать, что «ошибся», никогда не поздно. А может, никто и не спросит?

На ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич рассказывал о соревновании стали и синтетических материалов. «Производство стали, — говорил он, — это как бы наезженная дорога с глубокой колеей, тут и слепая лошадь не свернет, потому что колеса поламываются...»

Не менее глубока и колея цементной промышленности, железобетона. Но и в строительстве есть свои открыватели новых путей.

Никто не приехал в Таллин раньше, чем не познакомился с тем, что предлагает школа силикатита. Но, приехав, переходил в силикатитную веру. И через полгода начинал строить из своего силикатита.

Даже в сухих актах комиссии есть

строки о том, как в Голодной степи производят силикатита освоили хлороборы, а на Ижорском заводе — «рабочие основных цехов, которым намечено предоставить в данный период жилую площадь».

На Москве-реке появились плавающие заводы. Не строители, а речники готовили здесь блоки из нового материала для своих патентованных корпусов. И подумывают уже о девятиэтажных.

Вагончики и паровозики изготовлял силикатит в Лодейном Поле. Силикатит вырвался из лабораторий и пошел делить чудеса. По всей стране.

Потому что песок есть везде, известь получить легко, оборудование может изготовить любой механический цех. И заводы по производству силикатита выросли «сами». Из продукции этих «дикорастущих» заводов построено уже полтора миллиона квадратных метров жилья.

Силикатит стал народным строительным материалом. Эх, набы на его пути не встали научные надолбы!

ЗНАЮ, ЗНАЮ, товарищи ученые! Вам не нравится практика Иоханнеса Хинта, вы не согласны с его теорией? Ну что ж, спорьте! Но спорьте на уровне высочайшей объективности. И не надо наемать — вот, мол, если бы Хинт вел себя потише... А пока вы недовольны поведением Хинта. И в акте записываете... что силикатит лучше, чем он есть на самом

(Окончание на 2-й стр.)

НАША ХРОНИКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ

Редакционный совет журнала «Дружба народов» ежегодно присуждает литературные премии за лучшие повести, рассказы и очерки, опубликованные на страницах журнала.

За 1962 год присуждены: первая премия Ю. Марчинявичусу за повесть «Сомна, которая смеялась»; вторая премия — Н. Джимуаеву за повесть «Тихая неизвестная»; Е. Гуцало за рассказ «Игла, мать пиратского»; В. Полторанину за очерк «Люди и земля»; Ю. Ильяшину за очерк «Первый полет»; третья премия — А. Абу-Банару за повесть «Даргинские девушки»; Б. Улубашино за «Спитанье о моем друге» и А. Клышину, Я. Сипанову за очерк «Поэма дорог».

В ЕДИНОМ СТРОЮ

О долге писателя перед народом, о его месте в едином строю строителей коммунизма, о литературной молодежи шел разговор на открытом партийном собрании литераторов Иргизи. С рассказом о встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства выступил первый секретарь правления Союза писателей Иргизи Токтоболот Абдумомунов. Затем развернулось обсуждение актуальных вопросов литературы и искусства. Писатели говорили о большом доверии партии и деятелями литературы и искусства к тому, что это доверие и многому обязывает советскую творческую интеллигенцию.

Выступавшие уделили большое внимание проблемам литературной смены.

Ф.РУНЗЕ. (Наш корр.)

В Музее В. И. Ленина.

Фото Л. Шерстникова

Будь же счастлива, Мигель Кордеро

Из записной книжки В. МЕДОВОЙ

Получил я недавно письмо от Мигеля Кордеро, механизатор из провинции Лас-Вильяс, писал мне: «Дорогой друг! Смотри, я не забыл русский язык. Ошибок мало. А когда встречаюсь с Эмиль Монтеа, то много говорю с ним по-русски. (Болтаем. Да?) Вспоминаем Кубань, училище и село Ясное. Всех друзей. И немаленько плачем. Сильно помню Ясное, колхоз «Большевик», Буркина, Яшуку. Особенно сердце больно, когда думаю о Шурке Седых. Она не посылает письма мне. Почему? Будь в селе Ясное, дорогой друг, приходи к Шурке. Спроси, почему письмо не хочет посылать. Она знает, что сердце больно... Я скажу про Советский Союз. Я очень люблю Россию...» Читая письмо, можно было представить того славного парня, который появился летом шестидесяти первого года в селе Ясное, что стоит на берегу Кубани. Приехал он туда на летнюю практику с шестью другими кубинцами из училища механизации.

О том, что в Ясное придут семеро кубинцев, из города позвонили за неделю. Председатель колхоза «Большевик» молодой агроном Иван Талаева звонил мне весь вечер. Он добродушно продолжил в телефон: «Хе-хе! Приезжайте. Определите на агрегаты. Пусть осваивают. Научит, чему надо. Не беспокойтесь. Приезжайте. Зато очень возволновался председатель сельсовета Игнат Тарасович Буркин. Он и вообще-то беспокойный человек. Он в вообще-то беспокойный человек — старый Игнат. Но тут был взбужден даже испугаться за дела. Надо сказать, что такого председателя, как в Ясное, теперь вряд ли найдешь. Был он всю жизнь бутантарем и пострадал на этом немало. Еще до революции Игнат, служа в армии ядровым, за мятеж против царя был приговорен к казни. Но спасся. Сидел в тюрьме, но бежал. В гражданскую войну воевал у Буденного, четырежды был прострелен белками, а потом еще два раза кулачем за организацию коммуны. В Отечественную войну старик тоже воевал. И до сих пор, несмотря на преклонный возраст, он шумный, неутомимый, работящий, непримиримый. Многие перделал за годы старый Игнат. Одно только не успел в жизни — учиться. Как был с тремя классами приходской, так и остался. Однако это не мешало старому Игнату прочитать ежедневно по десять газет и журналов — от «Правды» до «Веселых картинок».

Услышав по телефону сообщение о приезде семи кубинцев, Игнат Тарасович, как уже было сказано, чрезвычайно взволновался. Следовало крестом поразмыслить перед приездом этих кубинских ребят. Народ в Ясное добрый, на детский, встретит их гостеприимно, сердечно, от души. В этом Буркин не сомневался. Уж он-то знал своих земляков. Но были и люди, вызывавшие у старика сомнение. После долгих размышлений Игнат Тарасович сказал Косте Гусарову, комсомольскому секретарю: «Вот что, Костя. Давай-ка вызови ко мне всех наших носителей пережитков. Посговорим с ними...»

«Носители пережитков» в селе числом пять. Бережкова Анна, занимающаяся торговлей яблоками по спекулятивным ценам. Луккина Клавдия, веселая вдова, гроза мужского пола колхоза. Яшка Митрофан, транзитист, выпивоха и матерщинник. Отец Иннокентий, местный поп, и Василий Парфенов, христианский лодырь. И вот все они были вызваны в сельсовет, где предстали перед грозными очами Буркина. Кроме, впрочем, Парфенова, который не явился по причине лениности.

«Вот что, уважаемые граждане, носители пережитков, — обратился к ним председатель, — я, конечно, извиняюсь перед батюшкой Иннокентием, поскольку все село выпсыпало встречать автобус, в котором ехали кубинцы. Каждому кубинцу пришлось пожать не менее пятисот рук. А если еще учесть, что большинство мальчишек ухитрилось поддразниться по несколько раз, то можно считать и все шестьюсот. Старший группы высокий негр по имени Эстебан Перес сказал на хорошем русском языке: «Дорогие компаньеры! Наш Фидель сказал, что революционер надо быть хорошим специалистом. Это тоже укрепляет революцию — учиться. Поэтому мы здесь. Мы приехали не в гости. Мы пришли работать, мы пришли учиться...»

Тут же вдруг возник бурный спор жителей села со своим начальством. Спор носил остроприятийный характер: жидкие да кубинцы приготовили в клубе, а пятачки они должны были в столовой. Но колхозники возбудились. Каждому хотело посылить гостя в своем доме и кормить домашней страпничей. Тетя Нюра Гуреева, старая птничница, накричала на Костю Гусарова: «Сам-то, небось, блины мамными допашаешь и на перние спишь. А тут люди невесты откуда приехали, в батраках жизнь провели, в голоде и холоде...» У них там жарко, но обидно сказал Костя.

Зима-волшебница. Фото М. Трахмана

«Тут же вдруг возник бурный спор жителей села со своим начальством. Спор носил остроприятийный характер: жидкие да кубинцы приготовили в клубе, а пятачки они должны были в столовой. Но колхозники возбудились. Каждому хотело посылить гостя в своем доме и кормить домашней страпничей. Тетя Нюра Гуреева, старая птничница, накричала на Костю Гусарова: «Сам-то, небось, блины мамными допашаешь и на перние спишь. А тут люди невесты откуда приехали, в батраках жизнь провели, в голоде и холоде...» У них там жарко, но обидно сказал Костя.

«Тут же вдруг возник бурный спор жителей села со своим начальством. Спор носил остроприятийный характер: жидкие да кубинцы приготовили в клубе, а пятачки они должны были в столовой. Но колхозники возбудились. Каждому хотело посылить гостя в своем доме и кормить домашней страпничей. Тетя Нюра Гуреева, старая птничница, накричала на Костю Гусарова: «Сам-то, небось, блины мамными допашаешь и на перние спишь. А тут люди невесты откуда приехали, в батраках жизнь провели, в голоде и холоде...» У них там жарко, но обидно сказал Костя.

«Тут же вдруг возник бурный спор жителей села со своим начальством. Спор носил остроприятийный характер: жидкие да кубинцы приготовили в клубе, а пятачки они должны были в столовой. Но колхозники возбудились. Каждому хотело посылить гостя в своем доме и кормить домашней страпничей. Тетя Нюра Гуреева, старая птничница, накричала на Костю Гусарова: «Сам-то, небось, блины мамными допашаешь и на перние спишь. А тут люди невесты откуда приехали, в батраках жизнь провели, в голоде и холоде...» У них там жарко, но обидно сказал Костя.

«Тут же вдруг возник бурный спор жителей села со своим начальством. Спор носил остроприятийный характер: жидкие да кубинцы приготовили в клубе, а пятачки они должны были в столовой. Но колхозники возбудились. Каждому хотело посылить гостя в своем доме и кормить домашней страпничей. Тетя Нюра Гуреева, старая птничница, накричала на Костю Гусарова: «Сам-то, небось, блины мамными допашаешь и на перние спишь. А тут люди невесты откуда приехали, в батраках жизнь провели, в голоде и холоде...» У них там жарко, но обидно сказал Костя.

Двести тысяч «ОСОБЫХ МНЕНИЙ»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
дети. Зачем же? Ах, оказывается, в воспитательных целях! Надо, видите ли, обуздать Хинта, его «неуенное» поведение выводит из себя оппонентов. Самолюбие, опасение за свой авторитет, неприязнь к шумному азбобрателю — вот что заставляет вас сводить счеты... Да уж хоть бы с ними! Так ведь нет же — с большим и нужным делом!

Прошло время, когда Институт силикальцита был одинок и его голые тоны в шорохе отрицательных отзывов. Есть же и объективные люди. Хотя бы директор Краснопресненского комбината строительных материалов А. И. Мочалов, тоже лауреат Ленинской премии. Приехал что очень из Таллина, обошел все хозяйство опытного завода, взглянул к Хинту:

— Верно говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Хорошо бы и мне у себя деэинтегратор поставить, попробовать...

— Конечно! Проверка промышленным опытом на передовом предприятии, что может быть лучше?

— Я еще ваш институт шефами на эту линию позову, — улыбается Мочалов.

— Идет! А над шаровыми мельницами пускай шефствуют наши оппоненты. Они будут стараться, мы тоже, вам останется премии получать.

И пригласывает Анатолий Мочалов бы смонтировать установку Хинта. Потому что очень нам некогда, очень горюпат нас и забота о советском человеке, и соревнования двух систем.

Стоит напомнить и другое: итальянские промышленники приобрели у нас лицензию и основали акционерное общество, которое так и называется: «Общество по распространению силикальцита». А вслед за Италией, Японией, Бразилией переговоры о приобретении лицензий начали Австрия, Англия, Индия, ФРГ и другие страны...

И эти «голоса» нельзя не учесть: уж им-то, господам капиталистам, валюта куда дороже чего бы то ни было авторитета.

«Тут же вдруг возник бурный спор жителей села со своим начальством. Спор носил остроприятийный характер: жидкие да кубинцы приготовили в клубе, а пятачки они должны были в столовой. Но колхозники возбудились. Каждому хотело посылить гостя в своем доме и кормить домашней страпничей. Тетя Нюра Гуреева, старая птничница, накричала на Костю Гусарова: «Сам-то, небось, блины мамными допашаешь и на перние спишь. А тут люди невесты откуда приехали, в батраках жизнь провели, в голоде и холоде...» У них там жарко, но обидно сказал Костя.

«Тут же вдруг возник бурный спор жителей села со своим начальством. Спор носил остроприятийный характер: жидкие да кубинцы приготовили в клубе, а пятачки они должны были в столовой. Но колхозники возбудились. Каждому хотело посылить гостя в своем доме и кормить домашней страпничей. Тетя Нюра Гуреева, старая птничница, накричала на Костю Гусарова: «Сам-то, небось, блины мамными допашаешь и на перние спишь. А тут люди невесты откуда приехали, в батраках жизнь провели, в голоде и холоде...» У них там жарко, но обидно сказал Костя.

«Тут же вдруг возник бурный спор жителей села со своим начальством. Спор носил остроприятийный характер: жидкие да кубинцы приготовили в клубе, а пятачки они должны были в столовой. Но колхозники возбудились. Каждому хотело посылить гостя в своем доме и кормить домашней страпничей. Тетя Нюра Гуреева, старая птничница, накричала на Костю Гусарова: «Сам-то, небось, блины мамными допашаешь и на перние спишь. А тут люди невесты откуда приехали, в батраках жизнь провели, в голоде и холоде...» У них там жарко, но обидно сказал Костя.

«Тут же вдруг возник бурный спор жителей села со своим начальством. Спор носил остроприятийный характер: жидкие да кубинцы приготовили в клубе, а пятачки они должны были в столовой. Но колхозники возбудились. Каждому хотело посылить гостя в своем доме и кормить домашней страпничей. Тетя Нюра Гуреева, старая птничница, накричала на Костю Гусарова: «Сам-то, небось, блины мамными допашаешь и на перние спишь. А тут люди невесты откуда приехали, в батраках жизнь провели, в голоде и холоде...» У них там жарко, но обидно сказал Костя.

Выставка французских художников

С работами французского художника Фернана Леже знакомит нас выставка, открывающаяся в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Одновременно в залах музея экспонируются произведения учеников Ф. Леже — Жоржа Вонье и Надежды Леже.

ЮБИЛЕЙ ПОЭТА

Вечер в Центральном Доме литераторов, посвященный 30-летию Ярослава Смелякова, открыл Назым Хикмет. О творчестве юбиляра рассказал В. Огань.

ФЕЛЬЕТОН

Достиг он высшей власти. Уж третий год он царствует спокойно. Но счастья нет его душе. Какое уж тут счастье, если никак не удается снискать любовь своих подчиненных. Отсюда «текущие казары».

Ю. ДАШЕВСКИЙ

«Острые локти» Достиг он высшей власти. Уж третий год он царствует спокойно. Но счастья нет его душе. Какое уж тут счастье, если никак не удается снискать любовь своих подчиненных. Отсюда «текущие казары».

ЭСТАФЕТА МУЖЕСТВА

В этот вечер Дом писателей имени В. В. Маяковского преобразился. Слово ветер с войны Немы и гром орудий балтийских морей раздавался в зале. Откуда были знать людям, что это и суждено покорить горячее сердце Мигеля Кордеро, мужественного бойца кубинской армии, так неожиданно полавшего из бурлящей митингами, раскатанной гневом и радостью Гаваны в тихое русское село Ясное.

ВЫСОКИЙ ПОЛДЕНЬ

Андрей Малышко

Каждый раз, когда я беру в руки новую книгу Андрея Малышко, я вспоминаю одно его давнее стихотворение, которое называлось «Хлеб». Я вижу в нем ключ подклада поэта и многообразия и ясности жизни. Это стихотворение о безвкусном, словно вата, американском хлебе, который едят мистры в одном из кафе Нью-Йорка. Хлеб без запаха, в нем нет дыхания земли, он лишен свежести, как бы самой своей плоти. Хлебники лишают жизнь всех ее красок, звуков, запахов.

И вот из хлеба высушили пот,
Людскую кровь и жар мезоровых сот,
И цвет зари, и ветра запах свежий...

Мне кажется, что так сказать об антинародной сущности капитализма только поэт, с детских лет узнавший великую поэзию труда, в которой и пот, и кровь, и цветение утренних зорь над полем, и свежесть запахи ветра в пшеничных колосках.

Как человек труда, знающий цену хлеба, оглядывает Андрей Малышко бескрайнюю ниву жизни, и его слово, обращенное сегодня к молодому поколению, исполнено глубокой искренности и достоверности.

Отбрось сорняки, посея зерно...
Следи за ним, проверь, как в рост пошло оно.

но же — это так характерно для Малышко — исключительное сильное чувство природы, беспредельной нежностью и отчужденностью к родному краю. Все это делает книгу необычайно живой, молодой, цементирующей. Поэт стучится в каждый «незамынутый дом...» не зловещим пожаром, не болью души, не войной.

В одном из лучших стихотворений книги — «О, если б сил заряд, входящий в атом...» А. Малышко говорит, что, если бы его сердце обдало взрывчатой силой атома, он взорвал бы им все то, что грозит людям смертоносными взрывами. Он взорвал бы лицемерие, «измену истребил на все века, лужду людей, что, как польня, горня, покочил с коронованною локью». Вот они — высокие мысли о своем веке, мысли нашего современника, верного сына советской земли.

Пользуясь мудрым выражением Станиславского, можно без преувеличения сказать, что Андрей Малышко раскрывает своим читателям глаза на идеалы, самим народом созданные. Вся книга «Полдень века» погружена в живые родники народной жизни и народной поэзии. Один из центральных разделов книги так и называется «Заветный родник». Этот родник бьет из-под родного корня народной жизни, народных идеалов, народных стремлений, и это его струя журчит в таких великодушных стихах, как «Песнь о партии», «Письмо делегата», «Как принимали в партию», «Завоевальный сад».

Поэт проникновенно рассказывает о том, каким он видел Ленина в бою:

Еще долины — в дымах черных,
Еще катился танков гром,
А он мечтал о степных зорях
В тишином колесе тумане,
С Ватутиным, чуть вспыхнул красный
Скупой задумчивый зари,
Боял планировал участия,
Готовил детым буквари.
Уж столько лет былым неводам,
А я с тех пор в душе тую
Его полон перед народом
В полтавском выжженном краю...
Я видел Ленина в бою!

Утверждающая бессмертные идеи Ленинского гуманизма, книга Андрея Малышко «Полдень века» звучит как широкая, нескованная песня, разливающаяся по бескрайним просторам, где жарокорный поэт под самым солнцем, где нива светится, даль виднеется, тучи летят голубыми.

Сборник «Полдень века» занимает видное место не только в украинской, но и во всей многонациональной советской поэзии, он заслуживает выделиться на сонике Ленинской премии.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. СЕРАФИМОВИЧА

А. Серафимович. (1941 год). Публикуется впервые. Фото И. Тюфимов

ГРАЖДАНИН ГОРОДА

НА ДОНУ

В 1933 году правительство, отмечая заслуги А. С. Серафимовича перед народом, приняло решение дать одному из городов на юге имя писателя. Это было, конечно, радостью для Александра Серафимовича, но в то же время его охватило чувство некоторой растерянности.

— Что делать, Фека? Какую городу дать свое имя? — спрашивал он меня, зволнованно шагая по комнате.

В конце концов победил его врожденная скромность, нежелание выдвигать себя на место, слишком ярко освещенное. И вот не город, а обычная среднерусская станция Усть-Медведицкая стала городом Серафимовичем. А писатель стал первым гражданином новорожденного города и, следовательно, на него легли и ответственные обязанности. Так считал сам писатель. Так он и действовал.

С первых же дней после переименования станции в город мечта Серафимович о создании здесь межрайонного культурного центра в техникума, театром, Домом культуры, большой библиотекой и т. д. Он добивается дополнительных ассигнований, по его настоянию в план строительства вводятся ряд объектов — водопровод, Дом культуры, Дом санкультуры и пр. Он отдал в городскую библиотеку свою личную, состоящую из нескольких тысяч томов. Он покупал подарки для детей в детсадах, помогал студентам техникума.

К нему шли и ехали жители уторов и города. Жалобы и просьбы, собрания и заседания, беседы с архитекторами и инженерами...

В одной из записных книжек у Серафимовича есть такая запись: «Город изнемогает от инкубационных председателей». К счастью, удалось найти инкубационного человека, смелого и обаятельного организатора — инженера Морозова. Став председателем горсовета, Морозов многое сделал для того, чтобы развить широкую самодеятельность горожан. Жители сами рыли и ремонтировали колодези, сажали по улицам деревья и кусты, наблюдали за общественным порядком. И тогда все мешанское и чиновничье болото встало против человека, который расстрелял его, слова бюрократические рогатки, усилил контроль и критику со стороны масс. Что бы меня не обвинили в пристрастии к недостатку памяти, дам слово самому писателю. В его записной книжке есть такие записи:

«...чиновники его (Морозова) возненавидели...»

«Председатель райисполкома... презрительно вымолвил: — То, что Морозов сейчас делает, еще ничего не значит. Посмотрим, как он дальше будет работать.»

Звучало злое. И добавил мрачно: — Никаких домов соц. культуры... А секретарь райкома заявил: — Морозов зарабатывает дешевую популярность.»

И началась кампания сплетен и прямой клеветы против инкубационного председателя горсовета, кампания, которая закончилась его арестом.

Помнится, Серафимович, узнав об этом, всю ночь провел в тяжёлых раздумьях.

Писатель не оставил без помощи Морозова. Он пишет (дело было в 1937—1938 гг.) в разные судебные-следственные инстанции, просит и требует объективного и немедленного расследования дела, созданного клеветниками.

И добивается своего — Морозова освобождает и полностью реабилитируют. Но Морозов от нервного потрясения заболел, Серафимович дал денег на лечение, на путевку в санаторий. И записывает в дневнике:

«Дело Морозова имеет гораздо больший смысл и содержание, чем формальное восстановление в партии. Мало того, что восстановление, надо припомнить, как могло случиться, что честного, прекрасного работника бросили на полтора года в тюрьму?..»

«Во время войны город Серафимович был разорен фашистскими захватчиками. После его освобождения Александр Серафимович поехал туда, и вот что он мне написал: «...Иногда думаю, что дошло до меня, что бы я мог сделать, в какую сторону бы пошел: с утра до ночи к нам идет народ с просьбами, с жалобами, со слезами, с рыданиями — сил нет, кому можно помочь, развешивая, указывая, куда обратиться...»

И опять писатель обращается в разные учреждения. Особно большую помощь он оказал детям разоренного города. Одним из первых был восстановлен детдом для детей погибших бойцов...

У нас много хорошего написано о Серафимовиче-художнике. Но Александр Серафимович был не только писателем — он был настоящим гражданином, человеком большого, отзывчивого сердца. То, что он расказал здесь, — это только одна страница его гражданской биографии.

Ф. СЕРАФИМОВИЧ

НЕЗАМУТИМЫЙ КОЛОДЕЦЬ

В РОМАНЕ «Хилек наш бурливый» бурятского писателя В. Мунгонова зоотехник Соколов говорит чабану Мухор-Сагану: «Быстрый Хилек не терпит в своих светлых струях все пришлое и наносное. На поворотах, не сдерживая разбег волн, он выбрасывает весь мусор на берег. Так ведь оно и в жизни бывает...» А первая повесть русского поэта Вл. Федорова «Сумка, полная сердец» заканчивается словами почтальона Арини, сообщающей автору-рассказчику свою историю о происхождении названия села Чистый Колодезь: «Видела, сколько после грозы всякой тухли в колодезь наспасает? А вода какая мутная! Но пройдет время, осадет муть. И колодезь снова чистый!»

Неожиданная на первый взгляд параллель между в общем-то очень разными книгами весьма симптоматична. Обе книги выдвинуты в этом году на сонике Ленинской премии. В обеих образ вечно текущей, ошачивающей воды символически выражает великий закон нашей действительности: необходимость в ней народных духовных начал.

Недавно «Сумка, полная сердец» переиздана «Роман-газетой» вместе с второй повестью Вл. Федорова «Марс над Козачьим Бором». Это не искусственное объединение. Действие обеих повестей протекает на родине писателя — в белгородских селах Козачий Бор и Чистый Колодезь. Повести близки тематически и рассказывают о жизни наших современников. Однако непосредственно «в деле» — в ратных боях либо с подлинником — мы встречаем, как правило, не исторический сюжет «внутренней» теме, автор раскрывает человеческие характеры через взаимоотношения бытовых, «домашних». Но по тому, как герои любят и ненавидят, как относятся к близким и дальним, к природе, к себе самим, совсем не трудно представить их в любом другом положении.

Ведь и Арини могла простить своего Андрея... Только и для нее видимость, суррогат счастья — не счастье. Вот и подводи после баласа — кого обшла судьба, кого наградила. Гибнет юная мечтательница Ленка, а муда Пров Ястребов, предавший Ленку, убивший ее леда, искалечивший жизнь Поли, пока не разоблаченный ходит по мирной нашей земле, пряча свои страшные дела за льмойвой завесой старинных любовных фраз. И доivotежда, принадлежащий мящину Виктору Елистратовичу, намного удобнее, красивее и прочнее саманной хаты хорошего человека историка Виктора Андреевича.

Можно много писать о достоинствах прозы Вл. Федорова. Ее поэтический, лирико-романтический настрой, ее канонизм и кинематографичность сразу были отмечены критикой. Лирическая проза, как песня. Читатель все время слышит голос автора. И не дай бог тут пустить «пелуха».

Вл. Федоров хорошо владеет своим лирическим «голосом». Но кое-где подлинный лиризм уступает место зеленому холмику, пустынной снамелне, целебному пшашкам — всему тому, что так не является с общим настроением повестей: где и пшев, и боль, и любовь, и ненависть, и захватывающее, всепоглощающее счастье от возможности жить и творить «в этом солнечном, неистребимо зеленом мире» — все большее и настоящее.

В «Роман-газете» повести Федорова объединены общим названием «Чистый Колодезь». Не только название родного села возвышено писателем до емкого и значительного символа. Образы родниковой воды, очистительной грозы, дождя проходят через всю его прозу.

Читаешь повесть Вл. Федорова и словно сам смотришь в глубокий чистый колодезь. Упала в него отвалившаяся вода. Но пробиваются на дне из золотистого песка вечно живые, неутомимые струйки. Постепенно оседает, исчезает куда-то грязная муть. Снова яркими брызгами гора драгонские крупинки — золото истинной, неистребимой, высокой человечности. И радостно, легко на душе. И хорошо жить. И прибавляется сил. И нет страха перед бедой. И крикнуть: «Эге-гей! Летим!»

И. МОТЯШОВ

Владимир Федоров. «Чистый Колодезь». Повесть. «Роман-газета». № 19 (271), 1962.

Слово о железном потоке

В МОЕМ родном городе Темрюке, на возгорке у начала слупса и Кубани, стоит памятник железному потоку — герою гражданской войны, бойцам и командирам Таманской Красной Армии.

Л. ЯКИМЕНКО

Памятник — обелиск на темно-серой гранитной основе — поставили недавно, несколько лет назад... За столом президиума на сцене районного Дома культуры сидели старики в темных пиджаках. Кто в невольном повзвонив галстуках, кто в глущо застегнутых рубашках. Обветренные морщинистые лица, лица рыбаков, пахарей, предубленные солнцем, ветром. Они то недоуменно всматривались под торжественную медь оркестра, то растерянно оглаживались — видно, непривычны были им и президиум, и внимательная зала, и свет сильных ламп, и мгновенные резкие вспышки фотоаппаратов.

достоинство. Она факт общественного опыта. Только при этом условии могут быть созданы произведения, которые станут в ряд с нашей советской классикой. Серафимович начал «Железный поток» в 1921 году. Книга создавалась в период обостренных творческих исканий, идеальных, эстетических схваток, в период становления советской литературы. На каких путях плодотворно может развиваться молодое советское искусство — это был главный вопрос времени. Он вставал перед каждым художником.

Их немного осталось в живых — участники легендарного похода. После 1937 года о них редко вспоминали. Тем обильнее предостережительно заглянувшего или из командующего Кожуха — Ковалева, лега и на них. И теперь, на старости, кто был пастухом, кто сторожем, кто рыбаком, другие же дожилали свой век «при детях», а иные получали пенсию.

Многие понимали, что это должно быть новаторское искусство, что необходимы дерзание и поиски, чтобы воплотить новое, необычное содержание эпохи.

А я смотрел на них и думал, что ведь это и моя молодость, молодость моего поколения. Потому что одним из самых сильных и ранних читательских переживаний наших был «Железный поток» А. С. Серафимовича.

Но самое новаторство понималось по-разному. Одни утверждали, что ритм времени ломает ритмы искусства, другие признавали «аплетенно сюжета», третьи рвали «школьные» законы грамматики, и тогда появлялись произведения без знаков препинания... Несколько лет назад я просматривал записные книжки Серафимовича. Меня поразило удивительно часто встречавшиеся имена: Толстой, Чехов, «Железный поток». Со своей буйной красочностью, удивительным слогом реализма и романтики, казалась таким далеким от этих художников. Но те же имена я встретил и в записных книжках Д. Фурманова, в записках «Чапалева», что одним из первых оценил новаторское значение «Железного потока».

В этой книге было то, что пленяет молодых сердца: героическое борецне, прекрасная и высокая цель, утверждение воли и мужества, патетика и лирика, каналь-то праздничная яркость красок, которая еще более отеняла суровую неизбежность и драматизм этого безудержного движения солдатско-крестьянской и казачьей массы, поход безбегенцев, бесшабашой матросской орды.

И в этом нет ничего случайного. Молодая советская литература уверенно становилась на рельсы реализма. Здесь она обрела свою силу и самостоятельность. При внешнем, кажущемся разрыве многих с традицией было плодотворное освоение опыта прошлого, опыта классической русской литературы в самых высших ее достижениях. Не случайно затем, через несколько лет, прославивший автор «Тихого Дона» называл среди своих учителей также Толстого и Чехова.

Наконец, в ней была та правда подлинного, жестокая правда пережитого, которой так благодарна чуткая молодая совесть.

Шолохов же благодарно вспомнит Серафимовича, «землянка», «старшот», который так решительно подержал его в самом начале творческого пути, который сразу же после опубликования первого тома «Тихого Дона» с гордостью говорил в «Правде» об «орелке», который «крылья размахнул».

Истинное наслаждение перечитывать «Железный поток».

Книга, которая, казалось, следует за действительными событиями, драматическими переживаниями похода, построена мудро и изобретательно. Вы видите, как естественно и расчетливо концентрирует автор наше внимание на фигуре Кожуха с его честолюбием и желанием власти в начале и очищенном сознанием ответственности, выполненного долга в конце. То на людях железного потока, которые предстают перед нами в шедром разнообразии лиц и положений: промелькнувший в ремин молодой командир Приходько и его дивчина Анка; появится баба Гор-

СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ КУБАНИ

Состоит отчетно-выборное собрание Краснодарского краевого отделения Союза писателей РСФСР. Докладчик ответственный секретарь отделения Виталий Банадин и выступившие в прениях отличившиеся успехами литераторы Кубани.

Особенно возмущала и овергла проза. Имена таких прозаиков, как П. Игнатов, В. Пальма, В. Логинов, В. Моностырев, Л. Пасечник, Г. Федосеев, Г. Садовников, А. Зинковский и другие, известны далеко за пределами Кубани.

Вместе с тем отмечалось, что многим произведениям кубанской прозы и поэзии не хватает глубины и масштабности. Некоторые книги напоминают спорные полетия, продиктованные конъюнктурными соображениями. Об этом, в частности, говорили В. Моностырев, В. Чернов, В. Логинов, Г. Садовников.

Ораторы высказали серьезную озабоченность состоянием критики. Один произведение, по словам И. Бельнова, правозондятся до небес, другие, по выражению В. Пальмана, встречаются злыми, разубаженными оценками.

В прениях выступили писатели П. Игнатов, Ю. Абдощев, И. Веленгурин, П. Ишанов, Л. Пасечник, А. Панфаров, В. Попов, Г. Соколов, председатель городского литературного объединения К. Обойщиков, журналистка А. Бушнова, зав. главного редактора журнала «Дон» И. Захарушин, представительница еженедельника «Литературная Россия» А. Фасенов, секретарь повстанцев Союза писателей РСФСР С. Сабваевский, секретарь Краснодарского крайкома КПСС Г. Кинелев.

В работе отчетно-выборного собрания принял участие первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС по промышленности А. И. Качаков.

Собрание избрало бюро краевой писательской организации в составе В. Банадина, В. Логинова и Г. Садовникова. Отчетным секретарем бюро избран В. Банадин.

КРАСНОДАР. (Наш корр.)

Во многих странах мира, на многих языках земли издаются книги А. С. Серафимовича.

